

Давно я написал небольшую брошюру «Иммиграция в Северную Америку: полезные советы русских канадцев», которая в реальности стала большим подспорьем для многих людей, не знающих укрытые под улыбками реальные ловушки капитализма. Я и сам не верил и не знал их, будучи настроенным на свободу, демократию и права человека в этой системе. Но реальная жизнь «в натурализации» изменила мою позицию с точностью до наоборот. В своих статьях я стараюсь показать иллюзию свободы и красоты на Западе. И уж совсем для меня стало открытием, что никакая красота, даже парижская, не может изменить гадкой сути западных обществ.

Предварительное знакомство с Францией

Еще до первого визита во Францию эта страна мне нравилась прежде всего как страна революций и революционеров, как страна, народ которой не просто стремится к справедливости, но и уничтожает всех тех, кто этой справедливости препятствует. К тому же в юношеские годы я перечитал всех их писателей-классиков, а в студенческие – познакомился с некоторыми работами Камю и Сартра. В 1960-е годы я был восхищен революционным студенческим движением во Франции, именем Лефевра и другими лидерами студенчества. Первичные знания об истории и культуре Франции я почерпнул из наших советских школьных учебников, «вторичные» – из работ Е. В. Тарле, А.З. Манфреда, Ю.В. Борисова, Д.П. Прицкера, моего коллеги по работе в ИМЭМО П. Черкасова, а также по трехтомнику «История Франции» (М., 1972). В общих чертах я знал макроэкономику Франции. К этому можно добавить еще книг пять-шесть на английском языке и особенно саркастические статьи Генриха Гейне о Франции. Другими словами, мои знания об этой стране нельзя было бы назвать совсем уж поверхностными, но они были и не очень глубокими. Хотя как для неспециалиста, вполне приемлемы. То есть на том уровне, который позволяет иметь обывательское «мнение», но отнюдь не научные «утверждения». Пишу я это только потому, чтобы подчеркнуть: Франция заранее мне нравилась.

В то же время меня постоянно смущали высказывания тех людей, которые знали и знают Францию как специалисты, и те, кто прожил в этой стране немало лет. Причем, эти две категории сходились в одном: Франция – прекрасна, французы – ужасны. То есть, они жадны, завистливы, любят попить-поесть за чужой счет, бездельники – при любой возможности стремятся увернуться от работы, большие любители пускать пыль в глаза, очень любят больше «выглядеть», чем «быть». Внутри же – пустота. И остальное в таком же духе. Причем, о таких их качествах мне говорили не только англичане (это естественно,

имея в виду их взаимную «любовь»), но и люди других национальностей, у которых как бы не было исторических оснований *так* отзываться о франках и галлах. В то же время, почему-то русские, несмотря на вторжение Наполеона в Россию, отзывались о Франции всегда положительно. Я, конечно, принимал это к сведению, но без особого доверия, поскольку доверять я могу только себе после тщательного изучения «вопроса».

Туристические поездки во Францию

Впервые я попал во Францию, когда жил в Англии (в Оксфорде). Естественно, все время напрашивались сравнения, где лучше: во Франции или в Англии. Под «лучше» я имел в виду, как выглядят люди, как они общаются, о чем они говорят и что их интересует. В первые заезды во Францию у меня не было никаких предубеждений в отношении этих двух стран. Точнее, «душа» все-таки отдавала предпочтение Франции: цветасто, красиво, празднично, но «головой» я стремился сохранить объективный нейтралитет. Тем более, что знания мои об этих странах были приблизительно одинаковыми. Правда, через год-другой, по мере узнавания туманного Альбиона изнутри, мое отношение к нему стало меняться в худшую сторону, по сравнению с первыми впечатлениями, о чем я поведал в нескольких статьях об Англии. Но это было позже.

В отличие от своей жены, которая Парижу сразу же отдала пальму первенства (не только над Лондоном, но и над всеми другими столицами мира) по красоте архитектуры, я таких отличий не ощущал. И там, и там есть красивые места, а что красивее – дело вкуса. Так мне кажется. В 2002 г. мы как-то приехали специально для осмотра Парижа и окружающих его замков. И на этот раз Париж мне понравился, а парижане еще больше. Больше, чем англичане. Англичане – как бы сосредоточенные, устремленные, озабоченные, угрюмоватые – какие-то «дождливые». Парижане – расслабленные, галдежные, улыбчивые, разговорчивые. Повсюду «силь ву пле» и «мерси». Показалось симпатичным их сидения на улицах перед кафе. Пьют вино, а то и просто воду и сидят, повернувшись к улице, как в театре, и наблюдают за парижским действием. Такой нескончаемый театр на парижских улицах. Бездельничают, но как-то «социально». Кстати, особенно нравились французские пограничники, которые ставили штемпеля в паспорта (а иногда и не ставили) без дурацких расспросов пограничниц-англичанок: зачем приехал, на сколько, к кому и прочий стандартный набор пограничных вопросов (между прочим, довольно странно: у французских пограничников в основном мужчины, у англичан – женщины).

Да и на улицах парижанки в массе своей симпатичнее англичанок, – штрих небольшой, но очень радующий глаз.

В следующем году мы побывали на отдыхе в Ницце, которая нам тоже в целом понравилась вместе с ниццеанками. Единственное, что не понравилось, так это старушки topless на пляже. Хочется отвернуться, а тут другая старушка. В общем эти впечатления я уже описал в двух статьях о Франции. Повторять не буду.

Истосковавшись в Англии по «празднику» и заскучав от замкнутости англичан (а их дом именно крепость), «задичав» на прекрасных просторах английских газонов, мы искали возможность оставить английский рай. Мои попытки свернуть на тропу логики (поехать в Германию, а немецкий язык я прилично знаю) не увенчались успехом в семье, и мы свернули на дорогу красоты, вечного карнавала и центра искусств – Париж! Но любопытно, что на одном французском курорте мы встретили несколько французских пар, которые, после того, как узнавали, что мы собираемся переезжать в Париж, очень критически отзывались о своей столице и тамошней жизни. Но их аргументы не показались нам убедительными.

Я опускаю процесс и детали переезда и продолжу с того момента, когда мы оказались в шикарной квартире, расположенной в трех минутах ходьбы от центральной улицы Парижа – Champs-Élysées, у русских известной как Елисейские поля. И в пяти минутах от Триумфальной арки, с видом на Эйфелевую башню, особенно впечатляющую по ночам своими огнями. Рай!

Французский быт изнутри

Продал нам эту квартиру уникальный «француз» с громким именем Давид – марокканский еврей со знанием английского, немецкого, арабского и иврита.

Все было хорошо, пока не наступил «сезон дождей», отопительный сезон. Настроить систему отопления мы сами не смогли и пришлось обращаться к нашему библейскому герою, чтобы согреться. – «Никаких проблем, – отвечает Давид, – все под контролем». Однако все «спецы» из многоцветной армии рабочих в Париже не могли завести «адскую машину» в течение полугода, что привело к водопаду в местах крепления ее к стене. Невозможно поверить, но при установке не была сделана вентиляция – необходимый атрибут газового обеспечения, водяные баки были установлены в неправильном положении и пр. Тут мудрецы от сантехники решили сделать вентиляцию и просверлили дыры в стене, ведущей на улицу, отчего воздух свободно входил и выходил в жилое пространство, что сделало нашу жизнь, похожей на жизнь эскимосов – всё на

улице. Таким образом в процессе налаживания этого отопления мы впервые столкнулись с уникальной необязательностью и халтурой французов. Но в этот раз мы еще ничего не «обобщали».

Телевидение и телевизор

«Цивилизованный» капитализм работает прекрасно до момента, когда отданы деньги за товар или услуги. Наш опыт в приспособливании к его «наимерзейшей сущности» имеет историю, длящуюся уже 3 года. Разрекламированная и имеющая мировую репутацию компания «Бэнг энд Олуфсен» (B&O) предложила нам чудо техники – прекрасный телевизор с современной технической начинкой и соответствующей ценой. Наш сын решил нам сделать этот подарок, против чего я сильно возражал. Я не понимаю цены на продукт, превышающую разумные пределы стоимости этого продукта. Все «брендовые» имена – не для меня. Я остаюсь советским человеком, хоть и живу в капиталистическом мире. Я не понимал (и не понимаю сейчас), зачем нам такой дорогой телевизор, когда можно купить нормальный (плоский) телевизор тысячи за три евро. Тем не менее, подарок есть подарок, и однажды нам завезли этот телевизор компании «Бэнг энд Олуфсен» со множеством дополнительных частей системы. Он поработал дня три, затем – замер. Пришли представители компании. Покумекали-покрутили, заработал. На следующий день он опять умолк. И опять представители компании, улыбаясь и «делая вид», судили-рядили, но забрали его и недели через три вернули с благодарностью, что мы купили эту драгоценность. Но вскоре он помер совсем. После многократного пинг-понга телевизором мы попросили заменить его на другой (условия гарантии такой обмен предполагали), но получили отказ: «менять не будем, но этот обязательноотремонтируем и вернем как новенький». Оставим-де только оболочку, а внутренности будут новые. Но вернули наш же телевизор и с теми же дефектами! Тут мы уже поняли, что если его не обменять на другой, то с *этим* мы будем возиться всю жизнь. Тогда в соответствии с условиями гарантии мы решили вернуть его насовсем с тем, чтобы нам выплатили деньги. B&O приняло защиту: на смерть стоять на стороне «чести и имени компании», отпустив реплику – «мы никогда не проигрываем». Тогда мы решили подать на них в суд, защищая с нашей стороны права покупателя от улыбчивых коммерсантов. Адвокат, изучив суть проблемы, заявила, что хотя 100% гарантии на выигрыш нет, но выиграть все-таки можно – 50 на 50. Это при всем том, что компания нарушила абсолютно все свои обязательства, зафиксированные в условиях гарантии. Результат: суд этот тянется почти три года. Перспективы неясны. Единственная, кто пока выиграл от

этого процесса, наш адвокат, которая за свою работу получила уже в несколько раз больше, чем стоит этот злосчастный телевизор. Что ж, адвокатам всегда выгоден длительный процесс (в это время им постоянно «капают» немалые деньги), на результат которого им в принципе наплевать; свои деньги он получает при любых исходах. Когда же клиент затевает суд с такими крупными корпорациями как «Бэнг энд Олуфсен», то выигрыш практически нулевой, поскольку и судья, и адвокаты будут стоять на стороне «реальной власти» при капитализме, его величества «монополистического капитала». Разглашаемые время от времени победы клиентов над крупными компаниями (типа какого-нибудь курильщика над компанией «Филип Морис») – это единичные случаи, необходимые для пиара, на фоне миллионов проигрышей «простых людей» в таких капиталистических судах. При этом надо иметь в виду, что Франция является собой одну из самых закостенелых и неповоротливых судебных систем во всем капиталистическом мире.

Что касается телевидения вообще, то объявленная сумма за пакет услуг вырастает многократно в случае, если вы хотите от услуг отказаться. Крошечными буквами на контракте написано, что пакет услуг действует в течение года и обновляется автоматически. И если Вы забыли дату начала контракта (а тут всё тоже не однозначно), то будете платить за год вперед.

Еще один маленький эпизод о гарантиях. У нас перестал работать пылесос, купленный в Париже. В каждом магазине есть место, где принимают бракованный продукт, но это ничего не значит. Обслуживание в этом секторе нервно-раздраженное. Ты не желанен здесь. Тем не менее пылесос приняли и обещали исправить через неделю бесплатно в соответствии с условиями гарантий. Через неделю я в магазине. Он, естественно, не готов. «Приходите завтра», то есть через неделю. Прихожу. Действительно готов, но требуют денег. Оказывается, у пылесоса сломалась какая-то деталь, которая не попадает под условия гарантии. В самой гарантийной бумажке об этом ни слова. Плачу и забираю пылесос. Но та же деталь, хоть и была заменена, не работает! Ситуация как с телевизором. Ну, пылесос не телевизор В&О – на помойку! Тут я уже начал понимать, что ничего путного французы руками сделать не в состоянии в принципе. Улыбки, форма, карнавал, мерси и бонжур – это выше всяческих похвал. Но работа... это не для них.

Ремонт квартиры по-французски

История случилась с нашими соседями: она американка, он француз. Пригласив итало-французскую компанию, которая обязалась перестроить квартиру, но не в совсем обычную, а в суперсовременную: шикарный дизайн в японском стиле, особая мебель индивидуального заказа, турецкая баня, японские туалеты, электроника высшей категории с кинозалом и прочими «играми от богатых», включая биометрическую считку отпечатков пальцев при открывании входной двери. Но самый главный шик - ты можешь наблюдать за своей квартирой из любой точки земного шара.

Шеф компании, итальянец Марицио, обещал все это царство сделать за полгода. На самом деле закончили они свое строительство через 9 месяцев. После окончания соседка показала нам эту квартиру. Она действительно произвела впечатление: сверхсовременная квартира, как бы квартира будущего. Все шикарно, все автоматизировано, блестящий черный дубовый паркет, необычная мебель. Необычность в том смысле, что, например, конструкция дивана такая, что на нем ни лежать, ни сидеть нельзя, а можно только полулежать, причем в очень неудобной позе. Приблизительно в таком же духе и всё остальное. Нам с женой объяснили, что это последний писк дизайнерского искусства в мебельной сфере. Аналогичный «писк» нам продемонстрировали и на посуде, которая, как и мебель, была выписана из Италии. Ее специфика заключалась в том, что все ее виды были плоскими, и я не мог понять, как на этих тарелках можно разложить пищу, чтобы она с них не «сползала». Оказывается, они (тарелки) предполагали особый тип «пищи», вроде одной устрички, которая спокойно может удержаться посередине тарелки. Опыт нашей жизни не был столь «изысканным», чтобы пользоваться такими дизайнерскими приборами. Ручки ложек и вилок, круглые и тонкие, как японские палочки и, подцепив что-то на такой инструмент, едок рискует получить шлепок еды обратно в плоскую тарелку, а уж из нее на брэндовый костюм.

В общем, внешне все выглядело очень красиво, хотя нам с женой показалось, что жить в ней невозможно. Мы – классические ортодоксы, предпочитаем уют, функциональность и чтоб изысканность не превращалась в наказание.

Но, интереснее, другое. Через очень короткое время ее сынок (квартира перестраивалась для него) обнаружил, что ничего в этой квартире не функционирует нормально: ни отопление, ни электричество, ни вентиляция, ни электроника. Не работала и турецкая баня, вернее работала, но тепла не давала. Самое же главное, хваленая электронная система управления почему-то самопарализовалась, а следовательно, не работали три телевизора из пяти. Черный паркет вскоре начал вздуваться. На кухне не работали нормально ни

посудомоечная машина, ни стиральная. В общем ничего не работало, несмотря на очень красивый внешний вид, правда, для меня несколько могильного ощущения: свечи, черный глянцевый пол, лепестки роз, рассыпанные по углам и пр. Вся процедура перестройки квартиры, как потом оказалось, велась с нарушением французского законодательства, несмотря на «законное ведение дела». Бедная американка! Ей и в голову не могло прийти, что потом все придется переделывать. Страховщики и дизайнеры, как в магическом действе, исчезли. Булгакову и не могла даже померещиться такая чертовщина. Кроме того, поставленные новые суперсовременные окна и двери, особенно окна, нарушали закон о постройке в центре Парижа. Оказывается, чтобы переделать окно, нужно разрешение мэрии на это. И прочее, и прочее, и прочее.

Случай с американкой еще раз подтвердил несколько негативных оценок, услышанных мной от специалистов по Франции. Абсолютное, почти как национальная черта, невыполнение данного слова и принятых обязательств. И неумение работать. Не просто нежелание, а именно неумение работать. Хотя компанию возглавлял итальянец, но работали и французы, что в общем одно и то же по отношению к труду. Совершенно безрукие и ленивые. Для меня это было полной неожиданностью.

Хотя те же французы постоянно уверяют, что итальянцы и испанцы работают еще хуже. Насчет испанцев не знаю – не сталкивался, а насчет итальянцев вполне допускаю. Необязательность, расхлябанность и даже обман.

Вообще-то с такой человеческой ленью в системе сервиса я столкнулся впервые. Вернее, в Англии я с этим тоже сталкивался, но как-то по мелочам, и поэтому не придавал уж очень большого значения этому. Тем более, что мы жили в своем доме и мало общались с английским сервисом. Здесь же приходится сталкиваться с ним значительно чаще. И каждое такое «столкновение» превращается в борьбу из-за каких-то пустяков.

Когда человек не хочет трудиться, он, естественно, не уважает и труд других. Это не осознанная политика, это уже тип культуры. И проявляется это в такой черте характера французов, как неэкономность. У нас в доме за каждой квартирой закреплен подвал, где люди что-то хранят. Но дело не в этом, а в том, что во всех подвалах французы почти никогда не выключают свет. Он может спуститься в этот подвал максимум раз в год, но свет у него горит постоянно.

Напротив моих окон находятся офисные учреждения. Даже в выходные дни (в субботу и в воскресенье) там всегда горит свет. Над нами живет одна семья, которая месяцами отсутствует. Тем не менее, по крайней мере в прихожей, у них всегда включен свет.

В свое время в Германии, то ли в Мюнхене, то ли в Гамбурге меня удивил эскалатор в подземном переходе, который начинал двигаться только тогда, когда пешеход вставал на ступеньку. В Японии я никогда не встречал ни в домах, ни на предприятиях, чтобы понапрасну горел свет.

Экономия – это не просто рациональность. Это уважение к труду человека. У паразитов такое отношение отсутствует полностью.

О французском языке

Есть выражение: твой успех во Франции прямо пропорционален знанию языка. Скорее всего, это везде так, но во Франции в особенности.

Француз очень самоуверен, самовлюблен. Почти как американец. Причина этому, безусловно, существует. Прекрасное географическое положение и климат всегда привлекали туристов, а красота, созданная предыдущими поколениями французов, утвердила нынешних в их абсолютной самодостаточности. Современники же беспрецедентно проявились в индустрии для массового сознания – моде и косметике. Некоторые виды спорта (велогонки, теннис – спасибо географии и погоде), авиашоу и, конечно же, южные пляжи и кинофестивали добавили в копилку самомнения нации очень весомые штрихи. Не особенно желая познавать мир (зачем, когда «мир» едет к ним. Логично!), француз не адаптируется к другой языковой среде, да и не адаптирует пришельцев. Можно за французов только порадоваться, но жить в среде, имея акцент, а тем более «стать французом» практически невозможно. Даже сами французы из провинции не могут интегрироваться в «столичный» круг. Английскому франкоязыку поставлен крепкий заслон. Кажется, только французы для слова *компьютер* имеют свое название – ординатор. Молодцы!

Неприязнь к английскому, с одной стороны, вызвана историческими противоречиями с Англией, а в нынешних условиях, презрительным отношением к США (точнее, к американцам), с другой – обычной завистью к успехам английского языка на мировой арене. Это известное языковое высокомерие мы ощущаем каждодневно. Конечно, когда при покупках платишь большие деньги, они тут же заговорят на английском. Сейчас, кстати, наметилась любопытная тенденция: в крупных и средних магазинах обязательно есть русскоговорящие продавцы или просто русские, работающие там. Деньги большие оставляют русские нувориши, вот и заговоришь, хоть на вземном. А в обычных магазинах – «моя твоя не понимай». А уж не дай бог клиенту что-то нужно спросить не касательно отдаваемых денег, – «Je ne vous comprends pas». И хоть тресни!

Зная это, мы с женой попытались учить этот очень непростой язык. Я, имея за собой багаж изучения двух восточных и двух западных языков, был уверен, что смогу говорить, как минимум, на бытовом уровне. Тем более, что французский язык мне очень нравился из-за грассирующего «р», который особенно шикарно звучит у Мирэй Матье.

Накупив все необходимые пособия (а практика-то есть кое-какая) я обнаружил, что этот язык обладает массой идиотских свойств, главное из которого – иррациональность. На одно правило десятки исключений. Нюансировка в произношении гласных, особенно с «нозальным» звуком, почти не поддается имитации, если ты не обладаешь музыкальным слухом. Жутчайшие дифтонги: три-четыре буквы и один звук – это могли придумать только французы. На вопрос к профессионалам – *почему?* – получал ответ – *наверное, для красоты. Но трудно сказать.* Более двух десятков времен глагола с изменениями фонетики даже его корня почти в каждом времени – тоже специфика французского.

Любой язык отражает характер народа, на нем говорящего. Язык каких-либо племен примитивен, и мышление соответствующее, язык англичан (не американцев) имеет грандиозный объем используемых слов и отражает незыблемые традиции жизни. Американцы со своими *get* и *put* выглядят довольно убого при беседе с образованным англичанином. А уж идеологически чуждый для меня английский журнал «Экономист» – пир языка. Ум, юмор, многозначность. Иррациональность французского языка прямое отражение иррациональности французского мышления. Не случайно за всю историю Франции у нее был только один рациональный философ – Рене Декарт, да и то он вынужден был почти всю свою жизнь прожить за пределами своей страны. Соотечественники его не признавали. Был «шипко» умный. Остальные философы (Монтескье, Вольтер, Руссо, Кондорсе и другие из этого ряда) были скорее не философами, а, выражаясь современным языком, политологами. Так сказать, «наука», предполагающая много «лирики», а значит, иррациональности.

Для того, чтобы усвоить разговорный, мы с женой записались на курсы и проходили на них три месяца. Естественно, что-то пошло на пользу. Но не сказать, чтобы качественно. Вообще надо иметь в виду, что так называемые языковые курсы для иностранцев – это полная профанация. Причем не только во Франции, а везде. То, чему человек научается на курсах, он вполне может обучиться самостоятельно с помощью аудио и видео записей. Конечно же, какое-то минимальное представление о языке получить можно, но научиться ничему нельзя. Потому что в группах фактически нет времени преподавателю поправлять или исправлять твои ошибки, тем более, что и проявлять ты их можешь крайне

редко, поскольку у тебя слишком ограниченное время для разговора. Все эти курсы на самом деле – бизнес. Темп пробега по учебникам такой, что практически все студенты после 2-3 месяцев покидают курсы. Кто в озлобленности из-за потраченных денег, кто поверив в свою непригодность. Из своего канадского и французского опыта знаю, что ни один ученик на этих курсах не выучивает язык. То, чего он достигает, он спокойно мог бы «достичь» и самостоятельно. Повторяю, язык на курсах не выучивается. Как максимум, если человек начинает с нуля, они дают самые первые представления о языке, которые можно получить и без курсов.

Где же выучивается язык? Только на практике и только в постоянном общении. Если даже вы очень хорошо освоили язык (так вам может показаться), без дальнейшей ежедневной практики с носителями языка вы его не выучите. Аксиома.

Короче, хотя с помощью собственных усилий и небольшой помощи курсов мы с женой этот французский немножко узнали, по крайней мере могли объясниться в магазинах и говорить на примитивные темы о жите-бытие, из-за отсутствие постоянного контакта с французами, все выученное у нас как-то быстро вылетело, и сейчас мы вновь в этом смысле «*tabula rasa*». Правда, я могу понимать французскую прессу процентов на 60 (благодаря английскому и немецкому языку), но ее чтение не вызывает у меня удовольствия из-за мелочности тематики, которая в ней обсуждается.

Несмотря на мою неудачу с французским языком, я с большим уважением отношусь к французам, которые влюблены в свой язык и их стремлением не засорять его иностранными словами, особенно английскими. Такая любовь к языку особенно бросается в глаза на фоне ненависти русских к своему языку в процессе перехода к капитализму.

Французские друзья

Мы с женой работаем дома. Я занимаюсь научными изысканиями, она творит свои картины и стихи. Это означает, что наши профессии не предполагают ежедневного общения с французами и обрекали наш французский язык на забвение. Хотя к французам мы очень тянулись. И даже приобрели если не друзей, то очень хороших знакомых.

Поначалу, правда, мы познакомились с русскими французами, т.е. россиянами, долго живущими здесь, некоторые из которых имели французское гражданство. Они не из когорты «белогвардейцев», а из слоя «послеперестроичного» периода, который по разным причинам покинул

капиталистическую Россию. «Белогвардейцы» – это оплот русской церкви в Париже, общение с которыми для нас немыслимо в силу нашего махрового атеизма. Соответственно, основные контакты у нас сложились с «современниками». На первых порах они нам помогали встраиваться во французскую жизнь, хотя сами были не очень устроены. Вся их жизнь вертится вокруг добывания денег, ради которых они проявляют чудеса хитрости и ловкости. Это качество вообще очень зримо во всех русских анклавах по миру. Умудрившись получить хоть какой-никакой статус на проживание в любой стране, русские умудряются «наколоть» аборигенов и получать пособия, пожертвования и любого рода социальные вливания в свои заблудшие души.

Всё же мы нашли для общения несколько приятных французов благодаря выставкам картин моей жены. У всех у них были давние русские корни: у кого-то бабушка была русская, у кого-то прадед. Это из тех русских, которые уже не «белогвардейцы» и еще не принявшие осовремененных русских, – говорящие на многих языках, интеллигентные французы.

Мы часто приглашали своих новых знакомых домой, а они приглашали к нам домой своих знакомых как бы для расширения круга знакомства. Однако последние русского языка не знали, так что общались по-английски. Застолье было иногда очень интересным, поскольку менялся язык от фразы к фразе, что делало вечер очень интернациональным. Как правило общение сводилось к похвальбе кулинарного искусства моей жены и прекрасному французскому вину, путешествиям и пр., то есть к обычному легкому «трёпу». Все у нас им нравится: и картины жены, и мои книги. Всегда расстаемся с желанием «вечной дружбы». После этого мы их больше не видим. И так не один раз.

Тут у нас закралась мысль, может мы что-то не так делаем? Все визиты осуществляются в одну сторону (к нам и с большим удовольствием. Да мы и рады, но что-то настораживает. Почему не приглашают к себе, хоть и «клянутся»).

Правда, среди них был один государственный функционер, очень холеный француз, который даже дважды пригласил нас к себе в гости. Он говорил на английском, что облегчало наше общение. Единственным его недостатком было то, что он все время пытался склонить меня к религии и постоянно рекомендовал мне прочитать каких-то религиозных авторитетов. Сам же он атеистических авторитетов не читал и читать не собирался. Поскольку кроме религии он ничего не знал (точнее знал на обывательском уровне), наша «дружба» быстро исчерпалась.

Запомнился еще один знакомый, с которым мне пришлось жестко расстаться. Некий Пьер, русского происхождения (родители уехали во Францию еще до революции), знающий прекрасно помимо французского и русского, также

английский и немецкий языки. Казалось бы должен быть любопытным собеседником. Проблема в том, что его образование формировалось на основе художественной литературы и антисоветской пропаганды. Получился патологический антикоммунист, который, конечно же, свои знания о Советском Союзе и коммунизме/социализме черпал из работ параноика Солженицына и аналогичных больных из западного мира. На любую статистику или аргументы он отвечал ссылками на всяческих антикоммунистических писателей или журналистов. Причем все эти так называемые диспуты провоцировал именно он, поскольку я как правило с антикоммунистами и, пардон, с женщинами не спорю. Это бессмысленно, т.к. они в большинстве своем не в состоянии ни думать, ни размышлять и совершенно не образованы. (Например, они могут нападать на Маркса, не прочитав ни одной его работы.) Этот же Пьер, типичный образчик-жертва антикоммунистической пропаганды, всю жизнь ведший паразитический образ жизни, меня что называется достал. Пришлось ему сказать в лицо, чтобы он больше никогда не встречался у меня на пути.

На самом деле французы действительно любят общаться. Раньше мне казалось, что это вызвано их коммуным типом мышления. И если иметь в виду историю Франции, то, возможно, это и так. Не случайно, и сами слова «коммуна» и «коммунисты» в политический лексикон вошли из французского языка. (Хотя на 100% не уверен.) Однако в ходе общения с ними не только дома, но и в «обществе» я обратил внимание, что выход в люди им нужен главным образом, чтобы продемонстрировать себя (я о мужчинах). Любой собеседник его интересуется только как слушатель его успехов, его взглядов, его впечатлений. Думаю, что в театры, в музеи они ходят только для того, чтобы потом на какой-нибудь вечеринке было что сказать: дескать, о! был/была на выставке такого-то. Не представляете, как это великолепно! Спросишь: что великолепно? Объяснить уже вряд ли смогут.

В целом же уже из собственного опыта общения с французами я вынужден признать правоту суждения и специалистов и тех, кто здесь долго жил, о том, что с французами нельзя дружить. Они не дружат даже между собой. Могут быть прекрасные отношения, но не дружба в социалистическом понимании этого слова. Такой тип отношений характерен, правда, не только для французов, но, подозреваю, для всего капиталистического мира (за исключением Японии). Дружба предполагает полное бескорыстие отношений (моя жена говорит: это то же, что и любовь, но без секса), а часто и жертвы ради друзей. В мире денег такого быть не может за исключением тех слоев, которые называются «трудящимися массами». Но есть ли во Франции трудящиеся массы? Не совсем простой вопрос.

Рабочие и революция

Выше я писал о лениности представителей сферы обслуживания. А как рабочие? Постоянно готовые к стачкам, к революциям. Они и сейчас не прекращаются. Поскольку тщательно эту тему я не исследовал, то сказанное ниже, это просто мнение или в лучшем случае предварительное суждение.

Французская экономика в основном сервисная. То есть, около 80 % ВВП это – услуги, остальное – материальное производство, включая сельское хозяйство. Могу предположить, что в агро-сфере в основном заняты французы, а в промышленности и строительстве – иммигранты. Из собственной практики: все кто занимался ремонтом квартиры нашей соседки и все, кто приходил к нам по аналогичным делам, были не просто иммигрантами, а нелегальными иммигрантами. В строительстве, думаю, их большинство. На предприятиях же, полагаю, это французы, но североафриканского происхождения (алжирцы, марокканцы, но вряд ли арабы с Ближнего Востока). Пока я не знаю сравнительный индикатор средней производительности труда французов на производстве, но знаю, что по средней продолжительности рабочей недели (35 часов) они занимают второе место в Европе после немцев (последнее меня крайне удивляет). По-моему, только во Франции водители транспорта уходят на пенсию в 40 лет. Когда нынешний президент страны внес предложение увеличить пенсионный возраст транспортников то ли на год, то ли на два, те сразу же забастовали. (Чем кончилась борьба, не знаю.)

Действительно французы очень легки на подъем в смысле стачек и забастовок. Могут очень быстро собрать миллионы бастующих. Всегда готовы защитить свои права – права, как можно еще больше не работать. Однажды я спросил француза из левых: почему он за коммунизм. Он мне так искренне ответил: так ведь при коммунизме работать не надо будет.

Сама сервисная экономика плодит паразитов. Коснулась она психологии и рабочего класса. Особенно его «белой» части. «Руками» трудятся иммигранты, или «небелые французы». Белые разучились сами мыть посуду, стирать одежду, готовить пищу, присматривать за своими детьми и престарелыми родителями. Все это делают теперь иммигранты. Поэтому, например, те же французы не очень сильно возражают их притоку. Вот цифры, демонстрирующие отношение к иммигрантам. За их приток выступают 20% британцев, 26 – итальянцев, 28 – испанцев, 32 – немцев и 52% французов.

По степени «за» или «против» иммиграции можно оценить степень паразитизма самих белых.

Зато французы большие спецы, как бы сказали русские, «пожрать». Выражаясь интеллигентно, – гурманы.

Французская кухня

Вообще-то для меня слово «гурман» несет негативный оттенок, поскольку это слово означает человека, придающего очень большое значение еде. Такой человек не может быть умным в принципе, т.к. ему некогда читать, тем более размышлять. Тем более о мире и человечестве. И французы – гурманы подтверждают этот мой вывод.

Я уже писал, что у французов принципиально негативное отношение к английскому языку, к Англии и особенно к США, точнее, к американцам. Существует масса книг об англичанах и американцах: они и примитивные, грубоватые, не понимают красоту, и особенно они плохи тем, что у них ужасная кухня.

Кухня – для нынешних французов – это символ высшей культуры. Действительно, я нигде не встречал людей, столь помешанных на еде. В какой-то газете вычитал, что 40% своего времени в сутки француз обдумывает, что он будет сегодня есть. Особенно они гордятся своим количеством сыров, которых около 400 сортов. Однажды даже сам попал в дурацкое положение. Жена попросила меня зайти в магазин и купить камамбер. В каком-то большом магазине спрашиваю, где находится сыр камамбер (Camembert), в смысле на каких полках. Служащий в ответ: а какой провинции? Начал перечислять: Нормандии, Прованс... Говорю, не знаю. Он: если из такой-то, то там, если из еще какой-то, то там. При этом спрашивает: а для какого сорта вина (сыр обычно они употребляют с вином). Мол, если для красного, то нужен такой, если для белого, то другой. Потом: а в какой день вы его собираетесь есть? В каком смысле, спрашиваю? Он: если в понедельник, то один сорт камамбера, если во вторник, то другой и т.д. Все понял, говорю. И расхотел покупать этот сыр.

В общем, к моему счастью или несчастью, я не полюбил французскую кухню: для меня все их креветки-ракушки-лягушки-улитки, и особенно сыры, вонючие. Слава богу, в Париже есть русские магазины (самый лучший из всех магазинов «Тройка»), которые продают советские продукты: плавленые сырки, докторскую колбасу, сгущенное молоко, полукопченый сыр, баклажаны и прочие советские прелести. Их я и харчую. Плюс китайская и японская кухня, к которой я склонен в силу своей профессии и полезности.

К слову, об авто и дорогах

Опять же, я не верил, что французские дороги и тип вождения представляют собой замысловатые французские ребусы: проезд на красный свет, бесконечно снующие под колесами автомобилей мотоциклисты, не соблюдающие правил вообще, дорожные разметки и знаки, размещенные прямо у начала их действия без предупреждения, делающие поворот в необходимое направление часто невозможным. Как и язык – интуитивное «знание», женское. Эта дорожная каша делает автомобилистов недееспособными или готовит потенциальных нарушителей движения. И уж совсем мне неприятно, что моя жена, будучи «Шумахером» за рулем, отказалась от вождения по этому красивейшему городу. (Для информации: Франция занимает первое место в Западной Европе по смертности на автодорогах. Около 8 тысяч в год.)

Конечно, красиво, «но мне туда не надо»

Возвращаясь к архитектуре. Мы побывали в зоне скопления замков Франции. Это – Западная Франция (городки – Нант, Тур, Бурж, Орлеан). Увидели действительно очень красивые замки. Среди них особенно запомнился замок Шамбор. Ничего красивее не видел, сравним только с архитектурой Флоренции. И, конечно, не могу не согласиться с женой, что Париж и окрестные замки действительно по своей архитектурной красоте превосходят все столицы мира. У нее есть выражение: глаза ломит от красоты. Наверное, это так. И в этой связи может возникнуть вопрос: как же так, только что раскритиковал французов (лентяи, халтурщики), а замки, а Париж!? Но нет никакого противоречия. Все это великолепие строили другие французы, французы до начала 20 века. Французы труженики. Современная архитектура – это уродство (достаточно посмотреть на музей Помпиду), и все, или почти все современное (наверное, исключения все-таки есть) – это уродство, выверт. Нынешние французы уже ничего построить дельного, не говоря уже о красивом, не могут. А если что и строится, то не французами, а иммигрантами. Хотя, по правде, это касается не только Франции, а всей Западной Европы.

Я вообще не могу понять, что во Франции вообще что-нибудь строится или производится, кроме парфюмерии/моды, сыров и вин. Как-то не укладывается в голове, что ее ВВП перевалил за два триллиона долларов и что по продолжительности жизни она занимает передовые позиции.

* * *

Это означает, что все вышеизложенное можно рассматривать только в качестве «мнения» человека, недостаточно изучившего эту страну. Хотя у меня

собрано большое количество материалов по Франции, но они мало что скажут, если социальный и экономический анализ не делать в сравнении, как минимум, между четырьмя государствами Западной Европы: Германии, Великобритании, Франции и Италии (возможно, и Испании). В свое время это будет сделано. А пока все сказанное в этой заметке прошу воспринять, повторяю, как «мнение» или «впечатление» человека, прожившего в Париже три года и ожидающего того счастливого дня, когда он покинет этот город и эту страну, чтобы больше никогда сюда не возвращаться.

Олег Арин

На всякий случай представляю некоторую статистическую информацию для самостоятельных размышлений читателей. В основном она почерпнута из «Экономиста» и последних данных Мирового банка.

Население – 61, 26 млн чел.

Средняя продолжительность жизни – 81 год.

ВВП (2006) – 2 248 млрд долл.

ВНД – 2 306 млрд долл.

ВНД на душу населения – 36 560 долл.

200 000 французов живет в Лондоне и только 22 000 англичан в Париже. В среднем лондонцы на 8% богаче парижан. В Лондоне динамизм, в Париже стагнация.

В 2005 г. 3,7 млн французов проживало в нищете (измеряется как доход в два раза ниже среднестатистического дохода), 2,5 млн - на уровне минимума зарплаты и 2,4 млн безработных (чуть менее 10%). В США – 4,5, а в Великобритании – 4,4%.

Госрасходы составляют около 54% от ВВП (2005), в Германии - около 46, в Великобритании – 45, в США и Японии – около 36%. В среднем в ОЭСР – 41%.

В стране 35 часовая раб. неделя (официально 5 недель отпуска). В среднем француз прорабатывает 1500 часов в год, англичанин – около 1700 часов, американец – 1800 часов, немец – где-то между 1400 и 1500 часами.

Объем рабочего контракта между парикмахерами и их хозяином составляет 144 страницы, между булочниками и продавцами в гастрономах и их хозяевами – 480 страниц.

В стране официально признано излишнее количество бюрократов в один миллион человек. Всего же этих паразитов пять миллионов.

В Банке Франции работает – 14 000 человек, в Банке Англии – 1836 человек, при этом последний отвечает и за денежную политику Великобритании.

Бюрократическая неэффективность Франции проявляется и на примере почтовой деятельности. На каждые 3530 жителей – одно почтовое отделение, в то время как в Германии их в два раза меньше. При этом во Франции очень небольшое количество писем доходит на следующий день. (Для информации: по работе почты можно определить степень эффективности всей экономики страны.)

Образование – одно из самых худших в капиталистическом мире. В стране 82 университета и 1,4 млн студентов (2008). 40% поступивших не заканчивают вузы (в Японии – менее 10%, в Великобритании – менее 20%). Преподают очень странные науки, типа «спортивные». Их изучает 45 тыс студентов. 65 тыс. изучает психологию. И то, и другое к науке отношения не имеют. Не случайно к ним тянутся в основном девушки, которым в принципе все равно, что «изучать».

При вступлении в вузы не надо сдавать вступительные экзамены, нет отбора, нет платы за обучение. В результате каждый год 90 000 студентов покидают университеты без дипломов. По-моему, только во Франции библиотеки по субботам и воскресеньям не работают.

Процент детей рабочих в высших заведениях сейчас ниже, чем в 50-е годы. Главным образом из-за резкого ухудшения условий жизни. Как заявила одна из лидеров молодежи, Анна Мелин, «Мы – первое поколение, которое живет хуже наших родителей».

Во Франции почему-то самый лучший общественный транспорт и железные дороги. Не исключаю, что «лучший» во всем мире.

Олег Арин

01.08.2008